

Л. Д. Троцкий

Наша первая революция

Том 2. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Т11

Т11   **Троцкий Л.**
Наша первая революция: Том 2. Часть 1 / Л. Д. Троцкий – М.: Книга по Требованию, 2013. – 452 с.

ISBN 978-5-4241-3393-0

ISBN 978-5-4241-3393-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Лев Давидович Троцкий
Сочинения

Том 2(1). Наша первая
революция. Часть 1

От автора

Самое существенное о составе и характере настоящего тома сказано шире в предисловии редактора этого тома т. Е. Кагановича. Мне остается только выразить ему здесь благодарность за сделанную им работу.

Л. Троцкий

19 марта 1925 года.

От редакции

Настоящая книга ни в коем случае не является историей революции 1905 г. или теоретическим анализом ее внутренних сил. Книга представляет собою сборник статей и документов, написанных в ходе борьбы и отражающих различные моменты нашей первой революции и деятельности тогдашних революционных организаций, в частности и особенности, Петербургского Совета Рабочих Депутатов.

Материалы, помещенные в настоящем томе, охватывают период от кануна Кровавого Воскресенья до начала 1907 г. Хронологический порядок расположения статей и речей не повсюду строго выдержан: исключения допущены в целях группировки материала по основным отделам книги, посвященным крупнейшим вехам революции 1905 года.

По поводу первого отдела книги — "Буржуазная «весна» и выступление пролетариата" — необходимо отметить, что входящая в этот отдел брошюра "До 9 января" писалась за границей на основании крайне недостаточных и не всегда проверенных данных, вследствие чего там несомненно имеются отдельные фактические неточности, не влияющие, впрочем, на общую оценку событий.

То же самое относится к входящей в состав второго отдела книги прокламации "Крестьяне, к вам наше слово", написанной по поводу 9 января. Она была написана автором немедленно по приезде из-за границы, при отсутствии сколько-нибудь полных и проверенных материалов: этим объясняется, например, такая фактическая ошибка, как упоминание об артиллерии, будто бы применявшейся на улицах Петербурга. Необходимо отметить также отношение Л. Д. Троцкого к священнику Гапону, как оно выразилось в прокламациях, входящих в подраздел 3, под заголовком "За союз рабочих и крестьян": благожелательная оценка Гапона объясняется моментом написания прокламаций — в ближайшие недели после 9 января. Насколько оценка Гапона была существенно изменена Л. Д. Троцким на основании позднейших событий и материалов, можно усмотреть из приложения к "До 9 января". Для освещения вопроса Редакция посвятила особое примечание (см. прим. 63) характеристике отношения В. И. Ленина к Гапону.

Что касается материалов, помещенных в остальных отделах, то Редакция считает нужным отметить, что в тех случаях, когда Л. Д. Троцкий развивал мысли, не совпадавшие с тогдашними официальными воззрениями большевистской фракции, сделаны соответственные оговорки в примечаниях, где приведены также соответствующие места из статей Ленина или постановлений большевистских съездов и конференций.

Примиренческие ноты, которые имеются в брошюре "Наша тактика в борьбе за учредительное собрание", входящей в состав III отдела книги, как и на некоторых других страницах, вытекали из тогдашней общей позиции Л. Д. Троцкого. Вопрос об этой ошибочной «примиренческой» позиции автора будет освещен в особом томе, посвященном внутривнутрипартийным вопросам. Нужно, однако, отметить, что в течение 1905 г. «примиренческие» тенденции охватили обе фракции тогдашней социал-демократии и привели к объединительному съезду 1906 года. Последовавший затем период реакции обнаружил противоестественность этого объединения и превратил две фракции в две партии.

В заключение Редакция считает необходимым отметить, что авторство некоторых материалов, включенных в этот том, не удалось установить с абсолютной несомненностью. Это относится к листовке "Новые царские милости", которая по общему своему характеру и стилю принадлежит, как будто бы, перу Л. Д. Троцкого. Однако, сам т. Троцкий, считая свое авторство весьма вероятным, не решается высказаться вполне категорически. Так же примерно обстоит дело с воззванием Федеративного Совета и резолюцией о мерах предотвращения погрома, принятой на одном из заседаний Петербургского Совета.

Подготовка к печати настоящего тома была связана с большими трудностями. Прежде всего была произведена большая работа по разысканию материалов, вошедших в настоящий том, — в частности, в обширном архиве Л. Д. Троцкого. Подлежит, конечно, большому сомнению, насколько эта работа выполнена до конца, т.-е. насколько действительно включены в настоящий том все относящиеся к этому периоду материалы. Так, несмотря на все предпринятые меры, не удалось разыскать: 1) выпущенную в Петербурге прокламацию, заключавшую в себе полемику с "Сыном Отечества" (отношение к войне); 2) полемику с «Новостями» (отношение к революции); 3) тезисы о вооруженном восстании и временном революционном правительстве (изд. ЦК); 4) циркулярное письмо, подвергавшее критике тактику меньшевистской группы в деле проведения первого мая (изд. ЦК). Вторая большая трудность заключалась в установлении авторства некоторых резолюций, принимавшихся на заседаниях Петербургского Совета, и многочисленных прокламаций, вышедших в издании Петербургской Группы и ЦК РСДРП. Для этой цели пришлось просмотреть груды материалов: периодических изданий, воспоминаний и т. д.

Что касается примечаний, то в некоторых случаях необходимые справки не могли быть даны, за полным отсутствием соответствующих материалов. Особенно это касается некоторых отдельных лиц, не оставивших никакого следа в истории либерализма или революции в России.

Материал, включенный в приложения, отличается значительным разнообразием. Назначение этих приложений — восстановить в памяти читателя забытые документы или впервые ознакомить его с некоторыми эпизодами нашей первой революции.

Редакция считает своим долгом выразить товарищескую благодарность за большую и кропотливую работу над этим томом т.т. Любимову, Зурабову, Ошеру и Майзлину.

Редакция.

I. Буржуазная «весна» и выступление пролетариата

1. До девятого января¹

Война³ и либеральная оппозиция

Оглянемся на последний трехмесячный период.

Именитые земцы⁵ съезжаются в Петербург, устраивают не то тайное, не то явное совещание и вырабатывают конституционные требования. Интеллигенция устраивает ряд политических банкетов. Члены окружных судов сидят попеременно с возвращенными ссыльными, интеллигенты с красными гвоздиками в петлице чередуются с действительными статскими советниками, профессора государственного права восседают бок-о-бок с поднадзорными рабочими.

Купцы московской думы⁶ выражают свою солидарность с конституционной программой земского съезда⁷, московские биржевики — с думскими купцами.

Присяжные поверенные устраивают уличную демонстрацию, политические ссыльные ведут в газетах агитацию против ссылки, поднадзорные — против шпионов; морской офицер открывает публицистический поход против всего морского ведомства, и когда его сажают в тюрьму, легальное общество собирает ему на кортик.

Невероятное становится действительным, невозможное — вероятным.

Легальная пресса дает отчеты о банкетах, печатает резолюции, сообщает о демонстрациях, упоминает мимоходом даже про "известную русскую поговорку",⁸ бранит генералов и министров, — преимущественно, впрочем, покойных или отставных.

Журналисты мечутся, вспоминают прошлое, вздыхают, надеются, предостерегают друг друга от лишних надежд, не знают, как быть, пытаются отделаться от рабьего языка, не находят слов, натываются на предостережения, искренно стремятся быть радикальными, хотят к чему-то призвать, но не знают — к чему, говорят много едких слов, но наскоро, ибо не уверены в завтрашнем дне, скрывают за острыми фразами чувство неуверенности; все растеряны, и каждый хочет заставить остальных думать, что растеряны все, кроме него одного...

Теперь эта волна идет на убыль... — разумеется, для того только, чтобы сейчас же дать место другой, более высокой волне.

Воспользуемся этим моментом, чтоб учесть сделанное и сказанное за последний период — и сделать вывод: что же дальше?

Теперешнее положение в ближайшем счете создано войной. Она страшно форсирует естественный процесс разрушения самодержавия, клещами вытаскивает на площадь политической жизни ленивые общественные группы и, что есть мочи, гонит вперед формирование политических партий...

Чтобы не утратить всех перспектив, нам нужно отойти несколько от периода «весенней» смуты — назад, к началу войны, и хоть бегло обозреть политику разных партий за это вдвойне военное время.

Война дана была обществу, как факт, — оставалось его использовать.

Партия царистской реакции делала в этом направлении все, что могла. Пользуясь тем благоприятным обстоятельством, что абсолютизм, вконец скомпрометированный, как представитель интересов культурного развития нации, нашел в войне возможность проявить себя с той стороны, с которой он казался наиболее сильным и себе и другим, реакционная печать взяла наступательный тон и поставила на очередь дня лозунги, в которых самодержавие, нация, армия, Россия, — все объединялось общим интересом немедленной победы.

"Ни в чем, — повторяло и повторяет "Новое Время"⁹, — так не сознает своего единства нация, как в своей армии. Армия в своих руках держит международную честь нации. Поражение армии есть поражение нации".

Задача реакции была, таким образом, ясна: превратить войну в национальное предприятие, объединить «общество» и «народ» вокруг самодержавия, как охранителя могущества и чести России, создать вокруг царизма атмосферу преданности и патриотического энтузиазма. И реакция, как могла и как умела, преследовала эту цель. Она стремилась возжечь чувства патриотического негодования и нравственного возмущения, нещадно эксплуатируя так называемое вероломное нападение японцев на наш флот. Она изображала врага коварным, трусливым, жадным, ничтожным, бесчеловечным. Она играла на том, что враг — желтолицый, что он — язычник. Она стремилась, таким образом, вызвать прилив патриотической гордости и брезгливой ненависти к врагу.

События не оправдывали ее предсказаний. Злосчастный тихоокеанский флот терпел урон за уроном¹⁰. Реакционная печать оправдывала неудачи, объясняя их случайными причинами, и обещала реванш на суше. Начался ряд сухопутных сражений¹¹, ряд чудовищных потерь, ряд отступлений непобедимого Куропаткина¹², героя стольких карикатур европейской печати. Реакционная печать делала попытки самыми фактами поражений ущемить народную гордость и пробудить жажду кровавого отмщения.

В первый период войны реакция организовывала патриотические манифестации студенчества и городской сволочи и покрывала всю страну лубочными картинками, на которых преимущества русской армии над японской изображались самыми яркими красками, какие только имелись в распоряжении патриотических живописцев.

Именем патриотизма и человеколюбия реакция призывала к поддержке правительственного Красного Креста, когда число раненых стало возрастать; именем патриотизма и государственных интересов она привлекала общество к пожертвованиям на флот, когда перевес японского флота над нашим стал очевидностью.

Словом, реакция делала все, что могла и умела, чтоб использовать войну в интересах царизма, т.-е. в своих собственных.

Как же в это критическое время действовала официальная оппозиция, та, в руках которой органы самоуправления — земства и думы — и либеральная печать?

Скажем сразу: позорно.

Земства не только покорно несли те связанные с войной труды и расходы, которые возложены на них законом, нет, они еще сверх того добровольно пришли на помощь самодержавию своей организацией помощи раненым.

Это преступление, которое тянется до сегодняшнего дня, — преступление, против которого никто в либеральной среде не возвысил протестующего голоса.

"Если патриотическое чувство призывает вас принять деятельное участие в бедствиях войны, идите кормить и греть зябнувших, лечить больных и раненых" ... учил г. Струве¹³, принося в жертву не "патриотическому чувству", а патриотическому лицемерию последние остатки оппозиционного смысла и политического достоинства. Разве не ясно, что в тот момент, когда реакция создавала кровавый мираж общенародного дела, всякая честная оппозиционная партия должна была отшатнуться от этого позорного дела, как от чумной заразы!

В тот момент, когда правительственный Красный Крест, приютивший в своих рядах всех где-либо проворовавшихся чиновников, чахнет от недостатка средств, когда правительство мечется в тисках финансовой нужды, является земство и, пользуясь своим оппозиционным авторитетом и народными деньгами, берет на себя добрую долю издержек по военной авантюре. Оно помогает раненым? — да, помогает раненым, но оно снимает, таким образом, часть финансового бремени с правительства и облегчает ему дальнейшее ведение войны и, значит, дальнейшую фабрикацию раненых.

Но этим соображением еще не охвачен вопрос. Ведь задача состоит в том, чтоб раз навсегда опрокинуть тот порядок, при котором бессмысленная резня и калечение десятков тысяч людей зависит от политического азарта чиновной банды. Война обострила эту задачу, представив царизм во всем безобразии его внутренней и внешней политики — бессмысленной, хищной, неуклюжей, расточительной и кровавой.

Реакция стремилась — и с точки зрения ее интересов вполне целесообразно — втянуть и материально и морально весь народ в водоворот военной авантюры. Там, где вчера еще были борющиеся группы и классы, реакция и либерализм, власть и народ, правительство и оппозиция, стачки и репрессии, — там должно было, по замыслу реакции, сразу установиться царство национально-патриотического единения.

Тем резче и энергичнее, тем смелее и беспощаднее должна была оппозиция вскрыть пропасть между царизмом и нацией, тем решительнее она должна была попытаться столкнуть в эту пропасть истинного национального врага, царизм. Вместо того либеральные земства с затаенной «оппозиционной» мыслью (захватить в свои руки часть военного хозяйства и поставить правительство в зависимость от себя!) впрягают себя в дребезжащую военную колесницу, подбирают трупы, затирают кровавые следы.

Пожертвованиями на санитарную организацию дело, однако, не ограничивается. Сейчас же по объявлении войны земства и думы, вечно жалующиеся на недостаток средств, вдруг с каким-то нелепым размахом жертвуют деньги на нужды войны, на усиление флота, а харьковское земство вырывает из своего бюджета целый миллион и отдает его в непосредственное распоряжение царя.

Но и это еще не все! Земцы и думцы не ограничились только тем, что приобщились к черной работе в позорной бойне, взяв на себя, т.-е. от своего имени взвалив на народ, часть ее расходов. Они не удовлетвоались молчаливым политическим попустительством и молчаливой порукой за царизм, — нет, они во всеуслышание объявили свою моральную солидарность с виновниками величайшего из злодеяний. В целом ряде верноподданнических адресов земства и думы друг за другом, все без изъятия, припадали к стопам "державного вождя", который только что растоптал тверское земство¹⁴ и готовился растоптать

несколько других, выражали свое негодование коварному врагу, молитвенно клялись в преданности престолу и обязывались пожертвовать жизнью и имуществом — они знали, что им не придется этого делать! — за честь и могущество Царя и России. За земствами и думами шли позорной вереницей профессорские корпорации. Одна за другой они откликались на объявление войны верноподданныческими адресами, в которых семинарская витиеватость формы гармонировала с политическим идиотизмом содержания. Ряд этих холопских произведений увенчался патриотическим подлогом Совета Бестужевских курсов, который расписался в патриотизме не только за себя, но и за неопрошенных слушателей.

Чтобы покончить с этой безобразной картиной трусости, холопства, лжи, мелкой дипломатии и цинизма, достаточно будет, в виде последнего удара кисти, привести тот факт, что в депутации, подносившей Николаю II¹⁵ в Зимнем Дворце верноподданныческий адрес петербургского земства¹⁶, фигурировали некоторым образом «светочи» либерализма, гг. Стасюлевич¹⁷ и Арсеньев¹⁸.

Останавливаться ли на всех этих фактах? Комментировать ли их? Нет, такие факты достаточно назвать и установить, чтоб они уж горели краской пощечины на политической физиономии либеральной оппозиции.

А либеральная печать? Эта жалкая, шамкающая, пресмыкающаяся, лживая, извивающаяся, развращенная и развращающая либеральная печать!.. С затаенным рабьим желанием царского разгрома в душе, с лозунгами национальной гордости на языке она бросилась — вся без изъятия — в грязный поток шовинизма, стараясь не отставать от печати реакционных громил. "Русское Слово"¹⁹ и "Русские Ведомости"²⁰, "Одесские Новости"²¹ и "Русское Богатство"²², "Петербургские Ведомости" и «Курьер», "Русь"²³ и "Киевский Отклик" — все показали себя достойными друг друга. Либеральная левая на перебой с либеральной правой говорила о вероломстве "нашего врага", о его бессилии и нашей силе, о миролюбии "нашего Монарха", о неизбежности "нашей победы", о довершении "наших задач" на Дальнем Востоке, — не веря собственным словам, с затаенным рабьим желанием царского разгрома в душе.

Уже в октябре месяце, когда тон прессы успел резко измениться, г. И. Петрункевич²⁴, краса и гордость земского либерализма, пугало реакционной прессы, заверял читателей "Права"²⁵, что "каково бы ни было мнение о настоящей войне, но каждый русский знает, что раз она начата, она не может быть закончена в ущерб государственным и народным интересам нашей страны... Мы не можем теперь предложить Японии мира и вынуждены продолжать войну до тех пор, пока Япония не согласится положить в основу его условия, приемлемые нами и с точки зрения нашего национального достоинства, и с точки зрения материальных интересов России".²⁶

"Лучшие" и «достойнейшие», — все одинаково запятнали себя.

"...Всколыхнувшаяся на первых порах волна шовинизма, — объясняют теперь этот факт "Наши Дни"²⁷, — не только не встретила на пути своем каких-либо препятствий, но увлекла даже многих передовых деятелей, рассчитывавших, по видимому, что течением своим волна эта приблизит их к желанному берегу".

Это не оплошность, не случайная ошибка, не недоразумение. Тут тактика, тут план, тут вся душа нашей привилегированной оппозиции. Компромисс вместо борьбы. Сближение во что бы то ни стало. Отсюда — стремление облегчить абсолютизму душевную драму этого сближения. Сорганизоваться не на деле

борьбы с царизмом, а на деле услужения ему. Не победить правительство, а завлечь его. Заслужить его признательность и доверие, стать для него необходимым, наконец, подкупить его на народные деньги. Тактика, которой столько же лет, сколько русскому либерализму, и которая не сделалась ни умнее, ни достойнее с годами!

Русский народ не забудет, что в трудную минуту либералы сделали лишь одно: попытку купить для себя у народного врага доверие на народные деньги.

С самого начала войны либеральная оппозиция сделала все, чтоб погубить положение. Но революционная логика событий не знала остановки. Порт-Артурский флот разбит²⁸, адмирал Макаров²⁹ погиб, война перебросилась на сушу, — Ялу, Кин-Чжоу, Дашичао, Вафангоу, Ляоян, Шахэ³⁰ — все это разные имена одного и того же самодержавного позора. Японская армия разбивала русский абсолютизм не только на водах и полях Восточной Азии, но и на европейской бирже и в Петербурге.

Положение царского правительства становилось трудным, как никогда. Деморализация в правительственных рядах делала невозможной последовательность и твердость во внутренней политике. Колебания, попытки соглашения и умиротворения становились неизбежны. Смерть Плеве³¹ создавала благоприятный повод для перемены курса.

Место Плеве занял князь Святополк-Мирский³². Он поставил своей задачей примирение с либеральной оппозицией и начал умиротворение с того, что выразил доверие населению России. Это было глупо и нагло. Разве дело в том, чтоб министр доверял населению? Не наоборот ли? Не министр ли должен зависеть от доверия населения?

Оппозиция должна была заставить князя Святополка понять это простое обстоятельство. Вместо этого она начала фабриковать адреса, телеграммы и статьи признательности и восторга. От имени полутораста-миллионного населения она благодарила самодержавие, которое заявило, что оно «доверяет» не доверяющему ему народу.

По либеральной прессе пробегает волна надежды, ожидания и благодарности. "Русские Ведомости" и «Русь» совместными усилиями стремятся отбить князя³³ у "Гражданина"³⁴ и "Московских Ведомостей"³⁵, уездные земства благодарят и надеются, города надеются и благодарят, а в настоящее время, уже после того, как политика доверия завершила весь круг своего развития, губернские земства одно за другим шлют министру запоздалые голоса своего ответного доверия... Таким путем оппозиция поддерживает внутреннюю сумятицу и превращает глупый политический анекдот в длительное политическое состояние мятушейся страны.

И еще раз приходится сделать вывод. Оппозиция, которая не нашлась в столь благоприятном положении, когда в ней нуждались и пред ней заискивали, оппозиция, которая на один лишь звук правительственного доверия ответила доверием с своей стороны, лишила себя самое права на какое бы то ни было доверие со стороны народа.

Вместе с тем она лишила себя права на уважение со стороны врага. Правительство, в лице Святополка, обещало земцам дать возможность съехаться легально, — и не дало. Земцы не протестовали и съехались нелегально. Они приняли все меры, чтоб сделать свой съезд тайным для народа. Другими словами,